

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Концепт «одиночество» в современной русской языковой картине
мира

Исполнитель _____ Роман Полина Викторовна _____

(фамилия, имя, отчество)

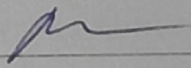
Руководитель _____ кандидат педагогических наук _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Васильева Инга Владимировна _____

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

И. о. заведующего кафедрой _____ _____

(подпись)

_____ кандидат педагогических наук _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Виноградова Марина Владимировна _____

(фамилия, имя, отчество)

10 июня 2026 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2026

Оглавление	
Введение	3
Глава 1. Теоретические основания изучения концепта «одиночество»	6
1.1. Концепт как основная единица языковой картины мира	6
1.2. Семантическая характеристика концепта "одиночество"	10
1.3. Историческое развитие понятия «одиночество» в русском языке.	13
1.3.1. Древнерусский период (XI – XVII вв.): доминанта физической изоляции и религиозная амбивалентность.....	13
1.3.2. XVIII в. – первая половина XIX в.: сентименталистская и романтическая эстетизация одиночества	15
1.3.3. Вторая половина XIX – начало XX века: драматизация концепта.....	18
1.3.4. Советский период (1920-1980-е гг.) – идеологическое табуирование.....	19
1.3.5. Постсоветский период (1990-2010-е гг.) – возвращение концепта «одиночество», появление новых смыслов.....	21
1.3.6. Современный этап (2020-2025 гг.) – формирование «позитивного одиночества»	23
Выводы к первой главе	25
Глава 2. Отражение ЛСП «одиночество» в современной картине мира носителя русского языка	27
2.1. Динамические процессы в языковом сознании российской молодежи, отражающие константу культуры «одиночество».....	27
2.2. Представление культурной доминанты «одиночество» в языке россиян зрелого возраста.....	30
2.3. Концепт «одиночество» в языковой картине мира пенсионеров	35
2.4. Концепт «одиночество» в русской языковой картине мира: диахронический корпусный анализ (2020–2025)	41
Выводы ко второй главе	45
Заключение	47
Приложение	50
Список используемой литературы:	52

Введение

Современная языковая картина носителя русского языка определяется не только лексическими и стилистическими особенностями, но и темпами социально-культурных изменений, потоками информации и динамикой межличностных связей. В условиях быстрого темпа жизни, цифровизации и устойчивого повышения уровня тревожности концепт «одинокчество» выступает как важное смыслообразующее ядро, через которое отражаются отношения внутри различных субкультур. Анализ языковых проявлений одинокчества позволяет не только зафиксировать современные стереотипы, но и проследить динамику языкового сознания носителя русского языка в социокультурном контексте.

Кроме того, концепт «одинокчество» представляет собой одну из фундаментальных универсалий человеческого опыта, культурная и языковая специфика которой заслуживает пристального внимания. В современную эпоху, характеризующуюся процессами урбанизации и цифровизации, актуальность изучения данного концепта лишь возрастает. Несмотря на свою универсальность, «одинокчество» по-разному осмысливается в различных лингвокультурах, что находит отражение в языке.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью фиксации изменений в структуре концепта «одинокчество», произошедших под влиянием социокультурных, экономических, исторических перемен последних лет.

Теоретической базой исследования стали труды ученых в области, когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, семантики и прагматики (Дж. Лакофф, А. Вежбицкая, А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, Ю.С. Степанов, Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, И.А. Стернин, З.Д. Попова и др.).

Объект исследования: русская языковая картина мира на современном этапе её развития.

Предмет исследования: лексико-семантическое поле концепта «одинокчество» в современной русской языковой картине мира.

Материалом исследования являются примеры из литературы и паремииологического фонда русского языка, связанные с концептом «одинокчество».

Цель: изучение и анализ концепта «одинокчество» в современной русской языковой картине мира, выявление специфики репрезентации концепта «одинокчество» в русском языковом сознании.

Для достижения цели необходимо решение следующих **задач**:

- Провести семантический анализ концепта «одинокчество»;
- Проследить историческое развитие понятия «одинокчество» в русском языке;
- Охарактеризовать специфику концепта «одинокчество» у разных возрастных групп;
- Провести исследование концепта «одинокчество» на материале национального корпуса русского языка.

Методы исследования: описательный анализ, сравнительный анализ, этимологический анализ, метод компонентного анализа лексического значения языковой единицы, анализ коллокаций, квантитативный анализ.

Научная новизна заключается в изучении и описании аксиологического сдвига, связанного с концептом «одинокчество», который заключается в том, что одинокчество в ЯКМ приобретает устойчивые положительные коннотации.

Теоретическая значимость работы состоит в описании концепта «одинокчество», выявлении специфики осмысления данного концепта в русской языковой картине мира.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты могут быть использованы для подготовки курса по лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Структура работы: работа состоит из введения, основной части, состоящей из двух глав, заключения и списка используемой литературы. Объем работы составляет 57 страниц. Список литературы включает 55 наименований.

Глава 1. Теоретические основания изучения концепта «одинокчество»

1.1. Концепт как основная единица языковой картины мира

Когнитивизм — это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление, те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе деятельности людей [19, с.6].

Становление когнитивной лингвистики связано, прежде всего, с деятельностью западных ученых. Однако конкретная датировка появления данной научной отрасли и предпосылки к её возникновению вызывают споры [32, с. 366].

Согласно одному из представлений, основой когнитивной лингвистики стали появившиеся в 50-е годы XX века в США идеи бихевиоризма. Бихевиоризм представляет собой направление психологии, предусматривающее системный подход к исследованию человеческого и животного поведения. Согласно бихевиористической теории, поведение является совокупностью рефлексов (реакций на внешние стимулы) и предыдущего опыта. Такой подход к изучению человеческой психики спровоцировал противодействующее ему изучение мыслительных процессов, одним из аспектов которого стал поиск роли языка в мышлении и познании.

Но существует мнение, что идеи когнитивизма имеют более глубокие корни. Доктор филологических наук А.В. Байдак считает, что первые основы рассматриваемой дисциплины появились в трудах английского педагога и философа Джона Локка (1632-1704), созданных в 1690-х годах. Рассуждая о чувственном восприятии мира и рефлексии, Дж. Локк указывает на существование формирующих мир идей когнитивных элементов, связанных языковой системой посредством слов. Несмотря на то, что философ ещё не связывает язык с мышлением, он уже рассматривает его как сферу реализации когний. Выдвижение положения об отображении в языке высших идей А.В.

Байдак называет революцией в философии языка, вследствие которой «лингвистика становится когнитивной по эмпирически-прагматическим основаниям. Если язык является полем для реализации высших идей, то исследование идей должно осуществляться в первую очередь путем исследования языка».

Сам же термин «когнитивная наука» впервые был использован Дж. Миллером на одном из симпозиумов по идеям информации в середине 1950-х годов. А в 1960-х Дж. Миллер и Дж. Бруннер организывают первый центр когнитивных исследований. Главными темами для изучения тогда были ментальные процессы, направленные на постижение знаний, связаны с природой мыслительных процессов [33, с.310]. Официальное появление когнитивной лингвистики датируется 1989 годом, когда её существование было признано на проведенном в Германии Международном лингвистическом симпозиуме, который одновременно стал Первой международной конференцией по когнитивной лингвистике.

В.А. Маслова выделила следующие ключевые термины когнитивной лингвистики: разум, знания, концептуализация, концептуальная система, когниция, языковое видение мира, когнитивная база, ментальные репрезентации, когнитивная модель, категоризация, вербализация, ментальность, константы культуры, **концепт, картина мира, концептосфера**, национальное культурное пространство и прочие. Все эти понятия связаны с когнитивной деятельностью человека, т.е. деятельностью, в результате которой человек приходит к определенному решению или знанию [19, с.12].

Концептосфера — совокупность концептов, из которых, как из мозаичного полотна, складывается миропонимание носителя языка. Например, с точки зрения журнала «Вышенский паломник», генетический код, вошедший в сознание нашего народа, в его менталитет и духовный опыт, может быть репрезентирован концептами Слово, Творец, Истина, Добро, Благо, Мир, Свобода, Польза, Человек, каждый из которых обладает

сакральными смыслами в пределах концептосферы русского православного сознания [19, с.15]. Это определение, данное В.А. Масловой, но ещё до неё с понятием концептосферы работали другие учёные. Например, Д.С. Лихачёв в своей статье «Концептосфера русского языка» писал, что концептосфера — это потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом.

Понятие концептосфера особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощении в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [18, с. 9].

В статье «Концептосфера русского языка» автор даёт определение понятию концепта. По мнению Д.С. Лихачёва, «концепт существует не для самого слова, а во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагаю считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения («алгебраическим выражением или «алгебраическим обозначением»), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т. д.) [15, с.496].

Одним из первых, кто в России занялся вопросом концепта, был С.А. Аскольдов. Он писал: «Концепт есть мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [3, с. 269]. Аскольдов утверждает, что появление концепта исходит из значения слова, и более того это является результатом совмещения словарного значения с опытом человека.

Помимо этого, определение концепта давал С.Ю. Степанов, который считал, что концепт – «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [27, с.42]. А также М.В. Никитин, который определял концепт как ««...сложную вероятностную

структуру, образуемую вероятностными оценками обыденного сознания – оценками приблизительными, но сходными у членов однородного социума. В глобальной структуре концепта вычленяются когнитивная и прагматическая части» [22, с. 178].

Стоит отметить, что в работах Н.Д. Арутюновой [2, с.74] обнаруживается подстрочное примечание, удостоверяющее, что термин «концепт» наделяется собственным статусом» [31, с. 88-89]. Т.е. произошло это только в 90-х годах XX века.

По мнению С.Г. Воркачева, понятие «концепт» отождествляется с пониманием значения лексической единицы по следующим признакам [8, с. 76]:

- степень индивидуализированности (субъективности);
- степень образности (образы предметов, сцен, событий, возникающие на основе их припоминания или же продуктивного воображения), предметно-чувственный характер которых позволяет отличать их по модальности восприятия (зрительные, слуховые, обонятельные, тактильные и пр.).

Другое понятие, которое тесно связано с когнитивной лингвистикой и над определением которого работали многие филологи – это картина мира. Например, М.В. Пименова под КМ понимает «совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности». С точки зрения В. А. Масловой, КМ – «результат переработки информации о среде и человеке. Она может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. На ее формирование влияет язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы». По мнению Г.В. Колшанского, «язык на одном этапе своего развития не выступает в качестве самостоятельной креативной силы и не создает своей собственной картины мира, он лишь фиксирует концептуальный мир, первоначальным источником которого является реальный мир». Картина мира — это отражение

реального мира в сознании человека. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют КМ как «упорядоченную картину знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [50, с.165].

1.2. Семантическая характеристика концепта "одинокчество"

Для того, чтобы понимать, как представлено слово «одинокчество» в современной картине мира, нужно разобрать общие положения концепта данного понятия.

Концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, которое является пересечением между миром культуры и индивидуальными смыслами каждого человека [29, с.57] [28, с.40-41].

Концепт принято делить на три части: понятийную, образную и ценностную.

Понятийная часть концепта – значения, которые приписываются данному концепту, ассоциации, возникающие у людей.

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, слово «одинокчество» восходит к праславянскому корню *ed-in- (один) [47]. Т.е., значение слова изначально было связано с отдалением от всех, единичностью. Это же подтверждают и толковые словари. Так, в словаре С.И. Ожегова «одинокчество» определяется как «состояние одинокого человека», как и в словаре Д.Н. Ушакова [42][30]. В.И. Даль же раскрывал значение прилагательного «одиноккий» как «отдельный, сам по себе» [34]. Таким образом, и происхождение слова, и его значения в толковых словарях связывают слово «одинокчество» с отрешённостью, отсутствием связи с другими.

Если обратиться к «Толковому словарю паронимов русского языка» В.И. Красных, то можно увидеть, что понятия «одинокчество» там нет. Но в данном словаре разбираются прилагательные одинокий и одиночный [16]:

Одинокий – 1. Отделённый от других, себе подобных, находящийся отдельно. 2. Не имеющий семьи, родственников, близких, бессемейный. 3. Совершаемый без других, происходящий в отсутствие других.

Одиночный – 1. Действующий без помощи других или совершаемый одним лицом. 2. Обособленный, предназначенный для одного, для пребывания без общения с другими. 3. Отдельный, случайный.

Можно сделать вывод, что разница между этими паронимами минимальна. Выделяется только значение «отдельный, случайный» в прилагательном одиночный.

Образная часть концепта – фразы и выражения, которые используются со словом «одиночество». Также на образность слова влияют и теории его происхождения.

В русском паремиологическом фонде, отражающем традиционные коллективистские ценности, доминирует негативная оценка одиночества. Пословицы вроде «Один в поле не воин» или «Одна головня и в печи гаснет» подчеркивают его практическую несостоятельность, а фразеологизмы «как перст один» и «волк-одиночка» рисуют образ маргинальности.

Ценностная часть концепта показывает важность концепта, как для индивидуума, так и для коллектива: «Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира. В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы. Ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [12, с. 5].

На материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [39] можно сделать вывод, что слово «одиночество» имеет как положительную, так и отрицательную коннотации. Среди коллокатов можно увидеть следующие глаголы: страшиться, тяготиться, предпочитать, наслаждаться, что и подчёркивает двойственность данного понятия.

В русском языке слово «одинокчество» появилось в XI веке. Впервые оно используется в «Поучении Владимира Мономаха» (по данным НКРЯ): «А Бога деля не ленитесь, молю вы ся, не забываете 3-х дель техъ: не бо суть тяжка; ни одинокчество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малым деломъ уллучити милость Божью» («Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забываете трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию») [21]. Однако в данном примере слово не имеет положительной или отрицательной коннотации.

Рассматривая синонимическое и антиномическое поля понятия «одинокчество», можно увидеть, что синонимическое поле гораздо богаче. Выделяют следующие синонимы: уединение, изоляция, покинутость, отчуждение, затворничество. Среди антонимов выделяют: общество, единство, дружба, компания. Однако существует мнение, что у слова «одинокчество» нет прямого антонима и перечисленные слова ими считаться не могут.

В.А. Маслова в пособии «Когнитивная лингвистика» выделяла следующие группы концептов [19, с.70]:

1. Мир (время, пространство);
2. Стихии и природа (вода, огонь);
3. Представления о человеке (интеллигент, гений);
4. Нравственные концепты (совесть, грех);
5. Социальные понятия и отношения (свобода, дружба);
6. Эмоциональные концепты (счастье, радость);
7. Мир артефактов (храм, геральдика);
8. Концептосфера научного знания (философия, математика);
9. Концептосфера искусства (архитектура, мцзыка).

Концепт «одинокчество» мы можем отнести к группе социальных понятий и отношений, поскольку данное понятие неразрывно связано с социумом, отношениями между людьми.

Таким образом, одиночество – сложное понятие, которое не имеет чёткого положительного или отрицательного значения. Данное слово существует в русском языке с XI века и отношение к нему менялось. И если раньше оно вызывало ассоциации с чем-то отрицательным (ссылка, заточение), то сейчас всё чаще можно увидеть, что одиночество связывают с понятиями «свобода», «уединение».

1.3. Историческое развитие понятия «одиночество» в русском языке.

Для понимания динамики любого концепта нужно не только рассмотреть его семантическую характеристику, но также необходимо проследить, как трансформировались его ядерные и периферийные смыслы под влиянием социальных, культурных и идеологических изменений.

Под историческим развитием понятия понимается эволюция лексической семантики (то есть расширение или сужение значений слова и его дериватов), изменение сочетаемости и частотности употребления, сдвиги в прагматической оценке.

Можно выделить следующие ключевые этапы, которые вносили определённые изменения в содержание концепта «одиночество»:

- 1) XI – XVII вв.;
- 2) XVIII в. – первая половина XIX в.;
- 3) Вторая половина XIX в. – начало XX в.;
- 4) 1920-е – 1980-е гг.;
- 5) 1990-е – 2010-е гг.;
- 6) 2020 – 2025 гг.

Рассмотрим каждый из выделенных периодов:

1.3.1. Древнерусский период (XI – XVII вв.): доминанта физической изоляции и религиозная амбивалентность

Первым этапом исторического развития концепта «одиначество» является древнерусский период, охватывающий XI–XVII вв. В эту эпоху понятие, обозначающее состояние «бытия одним», только начинает формироваться как абстрактная категория, оставаясь тесно связанным с конкретными, преимущественно негативно окрашенными жизненными ситуациями.

Этимология и первая фиксация. Слово одиначество (в древнерусской форме одиначьство) относится к числу лексических единиц, появившихся в древнерусском книжном языке XI–XII вв. под влиянием старославянских моделей. Как указывает В. В. Виноградов, оно находится в связи с прилагательным одинокъ — одинокыи (стоящий отдельно, особняком; ср. инокъ) и глаголом одиначити (быть заодно, быть в союзе). При этом в древнерусском существовал также параллельный вариант одиначьство со значением согласие, союз, что свидетельствует о первоначальной семантической близости понятий «быть одним» и «быть заодно с кем-либо» [6, с. 247].

В древнерусский период концепт одиначества оказывается в центре сложного религиозно-нравственного противоречия, которое можно определить как амбивалентность.

С одной стороны, христианская традиция, особенно в её аскетическом, монашеском измерении, высоко ценила уединение. Уход от мира, «одиначное, подвижническое житие» воспринимался как высшая форма служения Богу. Монах (монос — «один») сознательно оставлял общество, чтобы остаться наедине с Творцом. В древнерусском сознании «спасение удобнее казалось одинокому, оторванному от людей затворнику» [37, с.12]. Примеры преподобных Сергия Радонежского, основавшего свой монастырь в глухом лесу, или многочисленных скитников, уходивших в «пустыни» (незаселённые места), формировали положительный, сакральный образ уединения. В этом контексте одиначество сближалось с пустынножительством, отшельничеством и несло в себе семы «богоугодности», «духовной высоты»,

«свободы от мирской суеты». Как отмечается в исследованиях древнерусской литературы, мотив одиночества мог реализоваться в житийной литературе и в образах святых подвижников.

С другой стороны, та же христианская традиция (и шире — народная этика) осуждала одиночество как социальное явление. Быть «одиноким» значило быть лишённым рода, племени, общины — а это в условиях средневекового уклада было равносильно гибели. «Одинокий человек» — это прежде всего бессемейный, не имеющий «роду-племени» [6, с. 247]. Именно такое понимание фиксируют позднейшие словари, отражающие архаические пласты: одинокий — «живущий без товарищей, совершенно один», «бессемейный» [6, с. 247]. Одиночество здесь — синоним социальной уязвимости, незащищённости, сиротства. Народная поговорка «Один в поле не воин» (корни которой уходят в эту эпоху) выражает именно такое коллективистское неприятие одиночества.

Таким образом, в древнерусский период концепт «одиночество» существовал в двух противоположных, но сосуществовавших регистрах: сакральное уединение и социальное сиротство.

1.3.2. XVIII в. – первая половина XIX в.: сентименталистская и романтическая эстетизация одиночества

Второй этап исторического развития концепта «одиночество» охватывает период с конца XVIII до первой половины XIX века. Это время коренных преобразований в русской языковой картине мира, связанных с формированием нового литературного языка, развитием сентиментализма и зарождением романтизма. Именно в эту эпоху происходит кардинальный сдвиг в понимании одиночества: из преимущественно негативного состояния (социальное сиротство, покинутость) оно начинает осмысляться как ценное, эстетически значимое переживание, необходимое для внутренней рефлексии и творческого самопознания.

В русском литературном языке до конца XVIII века, как отмечает В. В. Виноградов, преобладали формы одиначество и одинакий как более книжные. Словарь Академии Российской толковал одиначество как «состояние одинакого, бессемеиноу, удаленноу от общества человека» с характерной иллюстрацией: «Человек не рожден к одиначеству» [7, с. 96-97]. Эта формулировка отражает традиционное, коллективистское мировоззрение, восходящее ещё к древнерусскому периоду: одиночество противоестественно для человека, предназначенного к жизни в обществе, семье, общине.

Однако в конце XVIII — начале XIX века происходят «резкие стилистические изменения в судьбе этих слов» [7, с. 96-97]. Слово одиначество постепенно архаизируется, приобретая помету «старинное», а на первый план выходит одиночество, которое истолковывается как «состояние одинокого». Этот лексический сдвиг не случаен: новое слово оказывается более удобным для передачи тех психологических и эстетических смыслов, которые привносит в культуру сентиментализм и романтизм. Одиночество звучало менее «книжно» и более «душевно», чем старое одиначество.

Ключевую роль в переосмыслении концепта сыграл Николай Михайлович Карамзин — глава русского сентиментализма. Карамзин и его школа совершили «полный переворот в русском языке», обратив внимание на внутренний мир человека, его чувства, переживания, способность к рефлексии.

В сентименталистской прозе одиночество впервые получает положительную эмоциональную окраску. Оно перестаёт быть только трагедией покинутого и становится желанным состоянием для чувствительной души. Уединение в деревне, на лоне природы, в тишине сельского кладбища — это пространство, где герой может прислушаться к себе, пережить «сладостную меланхолию», ощутить глубину своей души.

Показателен анализ отрывка из повести Карамзина «Бедная Лиза» в сопоставлении с поэзией Жуковского и Пушкина. Если для Карамзина смерть и связанное с ней одиночество — это «печальная картина», пустота,

заброшенность, где «ничего живого рядом», а словесный ряд изобилует «печальной лексикой» («болезнь», «горькие слезы», «вянет», «унылый звон»), то уже у Жуковского и Пушкина образ безвременно ушедшего поэта ассоциируется с «уединенностью, оторванностью от мира». Для них «певец уединённый», «поэт, задумчивый мечтатель» — это образ надмирный, внутренний мир которого — «мир горний, а не земной с его мелкими заботами».

Особое значение в этот период приобретает феномен меланхолии — сложного эмоционального состояния, соединяющего грусть, созерцательность и возвышенную печаль. Как отмечает А. Г. Садовников, в раннем творчестве Жуковского (1797–1800 гг.) именно через эстетическое переживание природы прокладывается путь к состоянию меланхолии, а «эталон и проводником прекрасного выступает природа». Знаменитая «формула» Жуковского «Я во всём и всё во мне» свидетельствует о формировании романтического представления о тождестве субъекта и объекта, человека и природы, при котором одиночество перестаёт быть разрывом с миром, а становится формой глубочайшего единения с ним [46, с. 193].

Исследователи отмечают, что в этот период рефлексия романтических персонажей, «удрученных душевной "пустотой"», поглощается естественным стремлением к какому-то другому «сердцу», а тем самым — к полноте бытия. Сердце героя говорит: «Я не могу быть одно на этом свете; я не должно быть одно на этом свете!» [5, с. 139]. При этом само одиночество осознаётся как необходимое промежуточное состояние на пути к обретению этой полноты — состояние, в котором происходит очищение чувств, обнажение души, подготовка к высокой любви или творческому подвигу.

Под влиянием этих процессов в русском литературном языке закрепляются новые для концепта «одиночество» смысловые оттенки:

- уединение как добровольный уход от общества;
- меланхолия как возвышенно-печальное настроение, «спутник» одиночества;

- Задумчивость и мечтательность как типичные состояния романтического героя.

1.3.3. Вторая половина XIX – начало XX века: драматизация концепта

Третий этап в развитии концепта «одинокчество» охватывает период со второй половины XIX века до начала XX столетия. Это время наивысшего расцвета русской классической литературы, когда именно проза, а не поэзия, становится главной, с помощью неё проповедаются мировоззренческие взгляды и теории. В эту эпоху концепт одиночества претерпевает качественные изменения: он перестаёт быть только эстетической категорией (как у романтиков) и превращается в экзистенциальную проблему — центр философских и художественных исканий русских писателей. Одинокчество осмысливается как фундаментальное условие человеческого существования, как трагедия непонимания между людьми, как следствие разрыва между идеалом и действительностью.

Для понимания трансформации концепта во второй половине XIX века необходимо учитывать глубокие социально-психологические изменения, происходившие в российском обществе. В последние два десятилетия XIX века в России широкое распространение получило французское словосочетание *fin de siècle* («конец века»), в которое вкладывалось не только временное, но и гораздо более существенное содержание. Говорящий с горечью этими словами хотел объяснить тягостные обстоятельства в настроениях своих современников: вялость, уныние, потеря надежд, «падение всех святынь», безынициативность, упадничество, опустошённость душевную, ожидание катастрофы и жутких потрясений.

Именно в этих обстоятельствах в российское общество приходит декаданс — культурное течение, характеризующееся демонстративным уходом от современности, от социальной актуальности, культом

индивидуализма, апологетикой смерти, поисками откровений в мирах ирреального или давно прошедшего, увлечениями эсхатологической тематикой. В такой атмосфере одиночество перестаёт быть личной драмой отдельного героя и становится «диагнозом эпохи» — универсальным состоянием человека, потерявшего целостность восприятия мира и ощущающего действительность как хаос, чуждый и враждебный.

Помимо этого, в русской литературе XIX века появляется и получает своё дальнейшее развитие такой тип «лишнего человека» – герой, который не находит себе места в общества, ощущает себя чужим.

Именно в эту эпоху русская литература ставит одиночество в центр философской рефлексии.

1.3.4. Советский период (1920-1980-е гг.) – идеологическое табуирование

Четвёртый этап в развитии концепта «одиночество» охватывает советский период — с 1920-х до конца 1980-х годов. Это время кардинальной трансформации языковой картины мира под воздействием тоталитарной идеологии, когда многие понятия, связанные с внутренним миром человека, подверглись либо вытеснению из официального дискурса, либо радикальному переосмыслению. Как отмечает Н. А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), советская идеология стремилась к полному подчинению личности обществу, что неизбежно вело к девальвации индивидуального опыта, в том числе переживания одиночества. В этих условиях одиночество объявлялось «буржуазным пережитком» — болезненным состоянием, свойственным эгоистичному индивидуалисту, не сумевшему перестроиться на социалистический лад [4].

Советская идеология с самого начала своего существования провозгласила главенство коллективного над индивидуальным. Человек понимался прежде всего как «винтик» государственной машины, элемент

трудового коллектива, часть «советского народа». В советском публичном дискурсе 1920–1930-х годов активно формируется представление о том, что в социалистическом обществе одиночеству «нет места». Строительство новой жизни, коллективизация, индустриализация, создание «коммунистических форм быта» — всё это, по мысли идеологов, должно было устранить саму почву для возникновения чувства покинутости и отчуждения. Человек, окружённый товарищами по работе, членами профсоюза, комсомольской или партийной ячейки, не может быть одиноким по определению.

Результатом идеологического давления стало заметное снижение частотности употребления слова одиночество в официальной речи, публицистике и литературе «социалистического реализма». Как показывают корпусные исследования, в 1930–1950-е годы слово одиночество встречается значительно реже, чем в дореволюционный период или в постсоветское время. Оно вытесняется эвфемистическими оборотами и описательными конструкциями: «неустроенность в личной жизни», «отсутствие товарищеского участия», «разрыв с коллективом», «индивидуалистические настроения».

Одновременно меняется оценочная маркированность слова. Если в XIX веке одиночество могло быть и трагедией, и романтическим уединением, и творческим состоянием, то в советском официальном дискурсе оно приобретает однозначно негативную окраску. Одиночество — это порок, свидетельство неспособности человека вписаться в коллектив, результат неправильного, «мелкобуржуазного» воспитания. Типичный газетный контекст 1930-х годов: «Одиночество — удел загнанных в подполье врагов народа» или «Мы не знаем одиночества, ибо мы вместе строим светлое будущее».

Ситуация начинает меняться в конце 1950-х — 1960-е годы, в период хрущёвской «оттепели». Ослабление идеологического давления, реабилитация многих репрессированных, появление нового поколения

писателей и поэтов — всё это создаёт предпосылки для возвращения «запретных» тем в литературу и публичный дискурс.

Следовательно, концепт «одинокчество» в данный период не исчезает из языка и культуры, но употребляется меньше. Он также начинает приобретать новые смыслы в силу исторических изменений в обществе.

1.3.5. Постсоветский период (1990-2010-е гг.) – возвращение концепта «одинокчество», появление новых смыслов

Пятый этап развития концепта «одинокчество» охватывает постсоветский период — с начала 1990-х до конца 2010-х годов. Это время кардинальной трансформации российского общества, связанной с крушением советской идеологии, переходом к рыночной экономике, стремительной урбанизацией и началом цифровой революции. Как отмечает О. С. Алейникова, постсоветская действительность представляет собой результат крушения советских идеалов, что привело к оформлению целого спектра новых экзистенциалов человеческого бытия и форм их социального проявления [1]. В этих условиях концепт «одинокчество», долгое время находившийся под идеологическим табу, возвращается в публичное пространство, обогащаясь новыми смысловыми оттенками и типами.

В философско-культурологическом анализе Алейниковой подчёркивается, что в традиционных культурах индивид оставался включённым в систему жёстких социальных связей, которые препятствовали распространению феноменов отчуждения и одиночества. Однако в эпоху становления буржуазных (а затем и постсоветских рыночных) отношений стал активно развиваться процесс формирования «атомарного индивида». Атомарность привела к разрыву системообразующих связей в системах «человек — человек», «человек — культура», «человек — общество», что привело к деструкции самих оснований бытия человека в мире [1].

К числу заметных сторон жизни современного человека исследователи относят такие явления социальной действительности, как появление и распространение массовых форм культуры, деградация институтов брака и семьи, аномия, всеобщая апатия и равнодушие. В этих условиях одиночество перестало быть исключительно психологической или экзистенциальной проблемой и приобрело отчётливые социальные очертания.

Одним из ключевых типов одиночества, актуализировавшихся в постсоветский период, стало так называемое «одиночество в городе». Как показывают исследования последних лет, постоянно возрастающая роль города как жизненного пространства обуславливает изменения и в образе жизни человека, и в его внутреннем мире [43, с.191].

А. О. Панфилова в статье «Проблема одиночества в урбанистической среде: опыт городов российского Дальнего Востока» выделяет факторы, способствующие развитию этого феномена. Среди них: многообразие и дифференциация общественной жизни, социальная аномия и индивидуализация жизненных практик, кризис института доверия как ценности коллективных взаимодействий, продолжающаяся «атомизация» домохозяйств [43, с.191].

На рубеже XX–XXI веков с бурным развитием интернета и цифровых технологий возникает принципиально новый тип одиночества — виртуальное. Как отмечает Т. Д. Лопатинская в статье «Одиночество в сети: особенности самореализации человека в условиях виртуальной среды», сфера виртуальных технологий возвела между индивидами непреодолимую границу, в результате чего реальное межличностное общение постепенно вытесняется общением в виртуальной среде. Это неминуемо поднимает вопрос о виртуальной коммуникации как некоем симулякре реального общения, что усиливает проблему одиночества в Сети [38].

Этот феномен породил целый ряд новых лексических единиц и устойчивых выражений: одиночество в сети, цифровое одиночество, виртуальная коммуникация, онлайн-одиночество. Парадокс заключается в

том, что чем больше человек погружён в виртуальную среду, чем больше у него «друзей» в социальных сетях, тем острее он может переживать чувство оторванности от реального мира. Как отмечает Д. А. Матеев в работе «Феномен одиночества и проблема нарушения коммуникации», виртуальное общение часто представляет собой псевдокоммуникацию, которая не способна удовлетворить глубинную потребность человека в подлинном, эмоционально окрашенном контакте с другими [20].

Следовательно, постсоветский период стал временем возвращения и обогащения концепта «одиночество» в русском языке.

1.3.6. Современный этап (2020-2025 гг.) – формирование «позитивного одиночества»

Шестой этап развития концепта «одиночество» охватывает период с 2020 по 2025 год. Это время, отмеченное двумя мощными факторами, которые кардинально изменили языковое сознание носителей русского языка: во-первых, глобальной пандемией COVID-19 и связанными с ней ограничениями (самоизоляция, дистанционный формат работы и обучения, социальное дистанцирование); во-вторых, дальнейшей цифровизацией всех сфер жизни, приведшей к трансформации коммуникативных практик и появлению феномена «цифрового одиночества». Как отмечают исследователи, современная эпоха характеризуется новым уровнем восприятия одиночества благодаря глобальному распространению цифровых коммуникаций, которые влияют на социальное поведение и восприятие индивидуальности [44].

Пандемия коронавируса, охватившая мир в 2020 году, стала уникальным социально-психологическим экспериментом, в ходе которого миллионы людей оказались в ситуации вынужденной изоляции. В русском языке в этот период активно закрепляются новые лексические единицы и устойчивые сочетания, связанные с одиночеством: самоизоляция, локдаун, социальное дистанцирование, удалёнка.

Одним из ключевых феноменов современного этапа стало так называемое «цифровое одиночество» — парадоксальное состояние, при котором человек, активно использующий цифровые технологии и имеющий множество «контактов» в социальных сетях, тем не менее переживает острую нехватку подлинного, эмоционально окрашенного общения. Как отмечается в философском анализе феномена, гиперподключённость в цифровом пространстве парадоксальным образом сопровождается усилением чувства изоляции в реальной жизни [40, с. 40-43].

Наряду с негативными проявлениями одиночества в современный период продолжает развиваться тенденция к его позитивной переоценке. «Позитивное одиночество» осмысливается как сознательно выбранное уединение, необходимое для саморефлексии, творчества и личностного роста. Как отмечает Л. Н. Соловьева, в «обществе всеобщей коммуникации» возникает парадокс: чем больше возможностей для общения, тем более ценным становится умение оставаться наедине с собой [40, с. 40-43].

В молодёжной среде формируется культ «одиночества как свободы» — противопоставление навязанным социальным связям и обязательствам. В языке этого периода закрепляются такие выражения, как ресурсное состояние, личное пространство, осознанное одиночество.

Таким образом, исторический анализ показывает, что концепт «одиночество» в русском языке прошёл путь от обозначения физической изоляции к более романтическому пониманию, от его табуирования до реабилитации и трансформации. Выявленная динамика семантики подтверждает, что «одиночество» является подвижной лингвокультурологической константой, чувствительной к тем или иным изменениям. Это создаёт теоретическую базу для анализа возрастных различий в понимании одиночества.

Выводы к первой главе

Исследование, проведённое в первой главе, позволяет сделать следующие выводы:

1. Когнитивная лингвистика зародилась и начала активно развиваться во второй половине XX века. Связывают это с деятельностью западных учёных и идеями бихевиоризма.

Одно из главных понятий, связанных с когнитивной лингвистикой – концептсфера. Определение концептосферы как совокупности концептов нации было впервые дано Д.С. Лихачевым и прочно вошло в когнитивную лингвистику. После появилось и понятие «концепт», которое широко используется не только в когнитивной лингвистике, но и в других науках.

2. Одиночество – это состояние одинокого человека. Такое определение дают и С.И. Ожегов, и Д.Н. Ушаков. Данное слово существует в русском языке с XI века и чаще используется в художественных текстах (по данным НКРЯ).

Одиночество имеет как положительные, так и отрицательные коллокации. Это может быть связано с тем, что отношение к слову меняется. Так, например, в русском паремиологическом фонде оценка данного понятия будет скорее отрицательной («один в поле не воин», «одинокому везде пустыня»). Но в современных реалиях одиночество всё чаще связывают с чувством свободы, независимости.

3. Историко-лингвистический анализ развития концепта «одинокость» в русском языке от древнерусского периода (XI в.) до современности (2025 г.) позволяет зафиксировать ряд устойчивых тенденций и ключевых сдвигов в его семантике, оценке и функционировании. На протяжении более чем тысячелетней истории концепт прошёл путь от конкретно-физического обозначения отсутствия других людей (древнерусское одиночество как социальное сиротство) через романтическую эстетизацию (XIX в.) и

экзистенциализацию (рубеж XIX–XX вв.) к идеологическому табуированию в советский период и последующему возвращению с новыми смыслами. На всех этапах концепт сохранял свою культурную значимость.

Особенно показательной представляется динамика оценочной маркированности одиночества. Если в древнерусский период доминировала амбивалентность (сакральное уединение vs. социальное сиротство), а в XIX веке сформировалась романтическая и экзистенциальная драматизация, то советская эпоха на десятилетия закрепила за одиночеством однозначно негативный статус «буржуазного пережитка». Постсоветский период и особенно современный этап (2020–2025 гг.) демонстрируют возвращение амбивалентности: одиночество осмысливается одновременно и как социальная патология (цифровая зависимость, пандемийная изоляция), и как ресурсное состояние (позитивное одиночество, уединение для саморазвития).

Глава 2. Отражение ЛСП «одиночество» в современной картине мира носителя русского языка

2.1. Динамические процессы в языковом сознании российской молодежи, отражающие константу культуры «одиночество»

Языковое сознание российской молодежи — наиболее динамичного сегмента носителей русского языка — представляет собой уникальный материал для изучения трансформации концепта «одиночество» в современную эпоху. Именно молодое поколение, выросшее в условиях цифровой среды, пандемийных ограничений и радикальной смены коммуникативных практик, демонстрирует наиболее заметные сдвиги в понимании и оценке одиночества. Современная эпоха характеризуется новым уровнем восприятия одиночества благодаря глобальному распространению цифровых коммуникаций, которые влияют на социальное поведение и восприятие индивидуальности [44].

Центральным противоречием, определяющим специфику молодежного одиночества в XXI веке, является так называемый «парадокс цифрового одиночества» — состояние, при котором человек, активно использующий цифровые технологии и имеющий множество «контактов» в социальных сетях, тем не менее переживает острую нехватку подлинного, эмоционально окрашенного общения. Как отмечается в философском анализе феномена, гиперподключённость в цифровом пространстве парадоксальным образом сопровождается усилением чувства изоляции в реальной жизни [44].

Статистические данные подтверждают масштаб этого явления. Согласно исследованиям, 73% молодых людей регулярно испытывают одиночество, несмотря на сотни «друзей» онлайн. Данные Гарвардской школы психологии также фиксируют, что 62% миллениалов и представителей поколения Z считают себя «часто или почти всегда одинокими», несмотря на активность в социальных сетях [44]. Особенно уязвимым оказалось поколение

Z: среди его представителей ежедневно испытывают состояние одиночества 43% опрошенных [48].

Психологи объясняют этот феномен несколькими механизмами. Во-первых, цифровое общение поощряет поверхностность: гораздо проще отреагировать смайликом, чем написать словами. Во-вторых, чем больше у пользователя «друзей» онлайн, тем меньше настоящих связей: исследования показывают, что у среднестатистического пользователя соцсетей более 300 контактов, но лишь 2–3 человека, которым он действительно доверяет. В-третьих, социальные сети создают иллюзию присутствия людей, но на самом деле человек часто оказывается в позиции стороннего наблюдателя, «кричащего в пустоту».

Психолог Ирина Шенье формулирует этот парадокс через нейробиологическую метафору: «Мы получаем дофамин от визуального взаимодействия, но не получаем эмоциональной обратной связи. То есть в мозгу есть «стимул», но нет «ответа» — и это вызывает еще большее одиночество». Иными словами, цифровая коммуникация создает иллюзию близости, не удовлетворяя глубинную потребность человека в подлинном контакте.

Ещё одним значимым фактором, формирующим специфику молодежного одиночества, является феномен социального сравнения в цифровой среде. Социальные сети стали ареной для демонстрации «успешной жизни» — тщательно отредактированных кадров, счастливых моментов, достижений и путешествий. Как отмечается в исследованиях, «мы сравниваем свою будничную реальность с чужими тщательно отредактированными кадрами. Это порождает тревожность, неуверенность и ощущение отчуждения — даже при наличии контактов» [44]. Этот феномен получил название «социальной витрины»: жизнь других людей кажется более полноценной, яркой и насыщенной, чем собственная.

Особенно остро этот механизм действует на молодёжь, которая в силу возрастных особенностей находится в процессе формирования идентичности

и особенно чувствительна к социальной оценке. Психолог Ирина Шеньё подчёркивает: «Мозг не видит разницы между реальностью и картинкой. И если в твоей жизни сегодня — война, тревога, нестабильность, а в ленте — «успех без труда» — возникает глубокое чувство вины и неполноценности». Это не просто зависть, а системное ощущение, что с тобой «что-то не так», что ты недостаточно хорош, недостаточно успешен, недостаточно счастлив.

Следствием этого становится парадоксальная ситуация: чем больше времени человек проводит в социальных сетях, тем более одиноким и неполноценным он себя чувствует. Формируется порочный круг: одиночество побуждает к погружению в социальные сети в поисках контакта, а пребывание в социальных сетях усиливает чувство одиночества и неполноценности.

Наряду с негативными проявлениями одиночества (как социальной патологии, психологического дистресса) в молодежном языковом сознании формируется и противоположная тенденция — переосмысление одиночества как ресурсного состояния, сознательного выбора, необходимого для саморазвития и личностного роста. Это явление получило в научной литературе название «позитивное одиночество» [48].

Как отмечает клинический психолог Елизавета Куликова, зумеры (поколение Z) нашли замену романтике в самореализации и изучении внутреннего мира. На первый план вышла забота не о ком-то, а о самом себе. «Жизнь для себя имеет много преимуществ, например, отсутствие обязательств, ответственности и заботы о ком-либо, с наличием единоличного бюджета, времени и реализацией своих собственных потребностей и желаний» [48]. Эта установка радикально расходится с традиционным для русской культуры пониманием одиночества как трагедии или социального сиротства.

В языковом сознании молодежи этот сдвиг фиксируется через появление и закрепление новых лексических единиц и устойчивых выражений: ресурсное состояние, личное пространство, побыть наедине с собой, осознанное одиночество. Важно подчеркнуть, что «позитивное одиночество»

не тождественно социальной изоляции или отказу от общения — речь идёт о способности человека находиться наедине с собой без чувства тревоги, о восприятии уединения как необходимого условия для внутренней работы, творчества и восстановления.

Проведённый анализ динамических процессов в языковом сознании российской молодёжи позволяет сделать следующие выводы:

1) Цифровой парадокс: молодёжь демонстрирует парадоксальную ситуацию — гиперподключённость к цифровым сетям сопровождается ростом чувства одиночества (до 73% молодых людей регулярно испытывают одиночество, несмотря на сотни «друзей» онлайн). Причиной является поверхностный характер цифровой коммуникации, подменяющий подлинную эмоциональную близость.

2) Социальное сравнение как фактор риска: «эффект социальной витрины» (просмотр отредактированных чужих жизней) порождает чувство неполноценности и усиливает ощущение изоляции, создавая порочный круг: одиночество → погружение в соцсети → усиление одиночества.

3) Позитивное одиночество: наряду с негативными проявлениями в молодёжной среде формируется ценность «позитивного одиночества» — сознательно выбранного уединения как ресурсного состояния, необходимого для саморазвития, творчества и восстановления. Это знаменует радикальный сдвиг по сравнению с традиционным пониманием одиночества как трагедии.

2.2. Представление культурной доминанты «одиночество» в языке россиян зрелого возраста

Зрелый возраст занимает особое место в возрастной структуре переживания одиночества. Как отмечают социологи П. М. Козырева и А. И. Смирнов в исследовании, опубликованном в журнале «Социологические исследования» (2020), возрастная структура одиночества отражает глубину и интенсивность обострения данной проблемы с возрастом. Одиночество

довольно часто встречается в молодом и среднем возрасте, но в наибольшей степени характерно для людей преклонных лет [29, с. 56-69]. При этом, согласно данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, в России в целом одиночество в той или иной мере испытывают 43,1% взрослого населения, причём проблема начинает нарастать уже после 40 лет на фоне кризиса среднего возраста с переоценкой ценностей и депрессией [45].

В настоящем разделе будут рассмотрены ключевые особенности репрезентации концепта «одиночество» в языковом сознании россиян зрелого возраста: статистические параметры распространённости, социальные детерминанты (брак, дети, работа), основные метафорические модели, языковые маркеры и дискурсивные практики данной возрастной группы.

Анализ данных НИУ ВШЭ позволяет составить детальную картину распространения одиночества в возрастной группе 30–55 лет. Исследование Козыревой и Смирнова показывает, что наибольшая доля одиноких (70%) фиксируется среди людей старше 85 лет, однако процесс нарастания одиночества начинается значительно раньше [45].

Возрастная динамика. Проблема начинает обостряться после 40 лет. Именно в этом возрасте многие люди впервые сталкиваются с кризисом среднего возраста, который сопровождается переоценкой ценностей, подведением промежуточных итогов жизни и, нередко, депрессивными состояниями. Если в молодости одиночество может быть связано с поиском себя, социальным становлением и выбором пути, то в зрелом возрасте оно всё чаще осмысливается как утрата — утрата надежд, утрата близких связей, утрата смыслов.

Следующий рубеж — после 60 лет, когда человек выходит на пенсию. Однако уже в зрелом возрасте (40–55 лет) формируются предпосылки для будущего пенсионного одиночества: сужение круга общения, уход детей из семьи, изменение профессионального статуса.

Одним из наиболее значимых факторов, определяющих переживание одиночества в зрелом возрасте, является брачный статус. Как показывают данные НИУ ВШЭ, «болезненное чувство одиночества» реже испытывают состоящие в браке [45]. Брак в зрелом возрасте выступает не только как формальный институт, но и как повседневная практика социального взаимодействия, источник эмоциональной поддержки и разделённого быта. Однако исследователи подчёркивают, что само по себе наличие брака не является гарантией защиты от одиночества. Некоторые сталкиваются с феноменом одиночества вдвоём — состояния, при котором люди физически находятся вместе, но эмоционально остаются чужими друг другу. Также отмечается, что спасают от одиночества дети, но не всегда.

Существенную роль в предотвращении одиночества играет профессиональная занятость. Помогает избежать проблемы работа, но только та, что приносит удовольствие. Среди удовлетворённых своей профессиональной деятельностью хронически одиноких в 2,6 раза меньше [45].

Это наблюдение имеет важное значение для понимания языковой репрезентации одиночества в зрелом возрасте. Для человека 30–55 лет работа — это не только источник дохода, но и важнейшая сфера социальной идентичности. Через профессиональную деятельность реализуется потребность в признании, в принадлежности к коллективу, в социальной значимости. Утрата работы (увольнение, сокращение, вынужденный выход на пенсию) или неудовлетворённость ею становятся мощными факторами, провоцирующими чувство одиночества.

В языковом сознании зрелых россиян эта связь фиксируется через такие выражения, как «работа — второе место после семьи», «коллеги — вторая семья», «без работы как без рук». В то же время профессиональное выгорание, конфликты в коллективе, ощущение «ненужности» на рабочем месте описываются в терминах изоляции и отчуждения.

Анализ языкового материала (данные НКРЯ, интернет-дискурс, результаты ассоциативных экспериментов) позволяет выделить несколько ключевых метафорических моделей, посредством которых россияне зрелого возраста осмысливают одиночество:

1. Одиночество как бремя. Для зрелого возраста характерна метафора одиночества как тяжести, ноши, груза, который человек вынужден нести. Эта метафора отражает прагматический аспект: одиночество в этом возрасте — это не только эмоциональное переживание, но и практическая нагрузка (всё делать самому, нести ответственность за детей и/или престарелых родителей, решать все проблемы в одиночку). Языковые маркеры: «нести бремя одиночества», «груз ответственности», «тяжело одной», «всё на себе тащить», «плечи не выдерживают».

2. Одиночество как пустота. Эта метафора связана с утратой: утратой близких, утратой надежд, утратой смыслов. Языковые маркеры: «пустой дом», «пустота в душе», «звонящая тишина», «не с кем слова сказать», «хоть волком вой».

3. Одиночество как болезнь. В зрелом возрасте, когда здоровье начинает давать сбои, одиночество часто метафоризируется через медицинский дискурс. Оно описывается как недуг, от которого нужно лечиться, как состояние, требующее «терапии» (общения, социальных контактов). Языковые маркеры: «страдать от одиночества», «хроническое одиночество», «одиночество убивает», «лекарство от одиночества», «заразился одиночеством».

4. Одиночество как наказание / расплата. Эта метафора связана с рефлексией о прошлом, с подведением итогов. Одиночество осмысливается как результат собственных ошибок, неправильного выбора, эгоизма или, напротив, излишней самоотверженности. Языковые маркеры: «расплата за гордыню», «сам виноват», «заслужил», «пожинаю плоды», «одиночество — мой крест».

Помимо этого, в языковом сознании зрелых россиян через поговорки и устойчивые выражения: «доверяй, но проверяй», «свои люди — сочтёмся», «дружба дружбой, а табачок врозь» фиксируется связь одиночества с чувством недоверия к другим людям.

Анализ словарных дефиниций и контекстов употребления позволяет выделить следующие особенности вербализации концепта «одиночество» в речи россиян зрелого возраста:

1. Преобладание негативной оценочности. В отличие от молодёжи, где формируется тренд на «позитивное одиночество», в зрелом возрасте одиночество практически однозначно маркировано негативно. Это состояние осмысливается как проблема, как кризис, как то, от чего нужно избавляться.

2. Высокая частотность глаголов с семантикой страдания. В контекстах, описывающих одиночество, доминируют глаголы страдать, мучиться, переживать, тосковать, маяться.

3. Активное использование эвфемизмов. Прямое признание в одиночестве воспринимается как стигма, поэтому носители зрелого возраста часто прибегают к эвфемистическим оборотам: «не сложилось с личной жизнью», «пока один», «в активном поиске», «временно свободен», «разведён».

4. Синонимический ряд, акцентирующий социальную изоляцию: изоляция, отчуждение, покинутость, заброшенность, ненужность, невостребованность. Как отмечается в исследовании В. А. Ильиной (2022), образ одиночества в русском языковом сознании тесно связан с номинантами «невостребованность» и «ненужность» [36].

Проведённый анализ представления культурной доминанты «одиночество» в языке россиян зрелого возраста позволяет сделать следующие выводы:

1. Распространённость и возрастная динамика: согласно данным НИУ ВШЭ (2018), одиночество в той или иной мере испытывают 43,1% взрослого

населения России, причём проблема начинает нарастать после 40 лет на фоне кризиса среднего возраста.

2. Социальные детерминанты: ключевыми факторами, влияющими на переживание одиночества в зрелом возрасте, являются брачный статус (состоящие в браке реже испытывают одиночество), наличие детей (защищает до определённого возраста), работа (удовлетворённость профессией снижает риск одиночества в 2,6 раза).

3. Метафорические модели: в языковом сознании зрелых россиян одиночество осмысливается преимущественно через метафоры бремени (тяжесть, груз), пустоты (утрата, тишина), болезни (недуг, требующий лечения) и наказания (расплата за ошибки).

4. Лексико-семантические особенности: вербализация одиночества в зрелом возрасте характеризуется преобладанием негативной оценочности, высокой частотностью глаголов страдания, активным использованием эвфемизмов и синонимов, акцентирующих социальную изоляцию (покинутость, заброшенность, ненужность, невостребованность).

2.3. Концепт «одиночество» в языковой картине мира пенсионеров

Пенсионный возраст представляет собой завершающий этап онтогенеза, который, как отмечают исследователи, характеризуется существенными внешними и внутренними изменениями в человеке, концентрацией накопленных знаний и подведением итогов [24, с. 3].

Старение населения, проявляющееся в увеличении численности пожилых людей во всём мире, повышает актуальность проблемы одиночества, ведь понятия «старость» и «одиночество» нередко идут рука об руку [41]. Продолжительность жизни растёт, при этом численность многопоколенных семей снижается, что увеличивает долю одиноко проживающих пожилых людей. Проблему может усугублять распространение онлайн-коммуникации,

ведущее к снижению личных контактов с близкими и к трудностям общения в реальной жизни [41].

Как показывают данные исследования НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» (2023), в старшем возрасте возникают ключевые риски одиночества — утрата близких, ухудшение здоровья, снижение социальной активности после выхода на пенсию [41].

Согласно данным ВЦИОМ (2021), одиночество в той или иной мере испытывают 43,1% взрослого населения России, причём наибольшая доля одиноких (70%) фиксируется среди людей старше 85 лет [14]. Эти данные подтверждают вывод о том, что одиночество имеет «чётко выраженную возрастную структуру» и нарастает по мере старения человека.

Одним из ключевых факторов, провоцирующих одиночество в старшем возрасте, является выход на пенсию. Как отмечается в психолого-педагогической литературе, вместе с отходом от профессиональной деятельности у некоторых людей развивается пассивное отношение к жизни, они отчуждаются от окружения, сужается круг их интересов и снижаются показатели тестов интеллекта. Они теряют уважение к себе и переживают тягостное чувство ненужности [35].

Одной из наиболее тяжёлых причин одиночества в старшем возрасте является утрата супруга или супруги, а также других близких людей — друзей, ровесников. В российской демографической структуре наблюдается выраженная гендерная асимметрия: как отмечают исследователи П. М. Козырева и А. И. Смирнов, среди одиноких пожилых женщин оказывается в 8–9 раз больше, чем мужчин [14]. Это связано как с более высокой продолжительностью жизни женщин, так и с традиционной возрастной структурой браков (мужья, как правило, старше жён).

Утрата супруга часто описывается пенсионерами в терминах «опустевший дом», «потеря второй половины», «осиротела». Эти выражения фиксируют не только физическое отсутствие человека, но и утрату

смыслового центра повседневной жизни, привычного уклада, разделённой ответственности.

Интересным феноменом, выявленным в исследовании НЦМУ, является так называемый эффект «ловушки одиночества» — состояние, в котором при длительном пребывании в одиночестве ухудшается самочувствие человека и оказывается затруднительным преодолеть это ощущение. Одним из примеров такого состояния может являться связь чувства одиночества и состояния здоровья — при длительном ощущении одиночества наблюдается ослабление здоровья, однако плохое самочувствие также провоцирует усиление одиночества [41].

В литературе, посвящённой психологии, разработаны различные типологии старения и адаптации к одиночеству. Наиболее известные из них представлены в работах Ф. Гизе, И. С. Кона, Д. Б. Бромлея и К. Рощака. Каждый из авторов предлагает свою классификацию и в своих работах объясняет, по какому принципу было сделано то или иное разделение [35].

Вопреки распространённому стереотипу, связывающему старость с вынужденным одиночеством, в последнее десятилетие всё большую популярность набирает концепция позитивного и активного старения. Такой подход меняет восприятие одинокого времяпрепровождения как негативного состояния и проблемы, с которой всегда необходимо бороться [41].

Исследователи НЦМУ обнаружили, что для некоторых пожилых людей обособленный образ жизни является способом выразить собственную независимость. Одинокое проживание (при условии наличия близких родственников) позволяет пожилым чувствовать себя самостоятельными и контролирующими свою жизнь. Такое мышление объясняет сознательный выбор отдельного проживания от родных и близких из-за желания как можно дольше сохранять самостоятельность, свободу и независимость [41].

Другим возможным объяснением такого выбора может быть наличие потребности в уединении — желание подумать о собственной жизни, перенаправить собственные ресурсы на понимание себя, возможность

самостоятельно распоряжаться личным временем и заниматься своими хобби и увлечениями. Если в течение всей жизни человеку было свойственно проводить много времени наедине с собой, не испытывая при этом дискомфорта, то, вполне вероятно, и в пожилом возрасте он будет придерживаться той же модели поведения, отдавая предпочтение уединённому стилю жизни и посвящая время рефлексии, медитации и творчеству [41].

Как отмечают авторы исследования, «добровольное нахождение в одиночестве может оказывать позитивный эффект на состояние человека или снижать имеющиеся негативные последствия, оказывая положительное влияние на ментальное состояние за счёт восстановления психологического ресурса и снятия напряжения. Исследования показывают, что у пожилых людей, добровольно проводящих время наедине с собой и ограничивающих социальные взаимодействия, наблюдается достаточно высокий уровень «субъективного благополучия» [41].

В языковом сознании пенсионеров эта установка фиксируется через такие выражения, как «мне и одной хорошо», «своя квартира — своя свобода», «не хочу никому мешать», «привыкла уже к тишине», «покой мне нужен». Важно, что эти формулировки несут не столько негативную окраску (одиночество как трагедия), сколько прагматическую (одиночество как комфортное, привычное состояние).

Важным контекстом для понимания концепта «одиночество» в языковой картине мира пенсионеров является общий образ пожилого человека, закреплённый в русском языковом сознании. Как показывают исследования, этот образ амбивалентен: в русском фольклоре, по наблюдениям Б. Ю. Нормана, фиксируется амбивалентное отношение людей к старости — от сочувствия и уважения до пренебрежения и насмешек [25, с. 101-108].

Исследование В. Н. Денисенко, Л. А. Сафаралиевой и Н. В. Перфильевой (2024), посвящённое трансформации образа старика в сознании молодых носителей русской лингвокультуры, выявило значительные изменения.

Семантические трансформации затронули прежде всего ценностные и образные признаки старика. Было установлено, что в сознании молодых носителей русской лингвокультуры старик предстаёт как добрый, слабый, больной, одинокий человек, нуждающийся в помощи окружающих [9, с.102-108]. Эти данные показывают, что одиночество является одной из ключевых характеристик, ассоциируемых с пожилым возрастом в массовом сознании.

В диссертационном исследовании И. В. Салимьяновой (2011), посвящённом образу пожилого человека в русской языковой картине мира, выделяются такие категориальные семантические черты этого образа, как партитивность (представление о целостном и частичном пожилом человеке), оценочность (одобрение или порицание), градуированность (возрастная градационная шкала), стереотипизированность [24, с. 7–8].

Особый интерес представляет анализ просторечной речевой культуры пожилых людей, выполненный И. В. Шалиной. В исследовании выделяется стереотип «мыкаться/маяться под старость лет», который эксплицирует социальное и физическое неблагополучие, коммуникативное одиночество стариков. Особую значимость приобретает культурный стереотип-концепт «Дом престарелых» (в интерпретации носителей просторечной культуры — «Дом старчества», «Дом инвалидов») [49].

Анализ языкового материала (данные НКРЯ, записи устной речи, интернет-дискурс) позволяет выделить следующие особенности вербализации концепта «одиночество» в речи пенсионеров:

1. Доминанта «заброшенности» и «ненужности». В отличие от молодёжи, где одиночество может быть выбором, в языковом сознании пенсионеров доминирует семантика вынужденности. Ключевые выражения: «меня забыли», «меня бросили», «никому не нужен», «как вещь ненужная», «пожила — и хватит».

2. Эвфемизация смерти и утрат. Одиночество в старшем возрасте часто сопряжено с утратами. Язык вырабатывает эвфемистические обороты, смягчающие травматический опыт: «осталась одна-одинёшенька»

(фольклорный пласт), «пережила мужа», «похоронила», «ушёл», «отмучился», «доживаю свой век», «век доживать одной».

3. Высокая частотность пассивных и безличных конструкций. Пенсионеры чаще описывают свою ситуацию в пассивном залоге, что отражает ощущение потери субъектности, зависимости от внешних обстоятельств и других людей. Примеры: «меня не приглашают», «мне не звонят», «за мной никто не приходит», «со мной не советуются».

4. Активное использование фольклорных и паремиологических единиц. В речи пенсионеров часто встречаются пословицы и поговорки, отражающие традиционное отношение к одиночеству: «один в поле не воин», «старость — не радость», «на старости лет — одна кутерьма», «век живи — век учись, а дураком помрёшь».

5. Метафоры, связанные с физическим пространством. Одиночество часто описывается через образы дома, квартиры, комнаты: «пустая квартира», «четыре стены», «тишина звенит», «хожу из угла в угол», «окна на улицу — а выйти не к кому».

Проведённый анализ репрезентации концепта «одиночество» в языковой картине мира пенсионеров позволяет сделать следующие выводы:

1. Распространённость и возрастная динамика: одиночество в старшем возрасте имеет чётко выраженную возрастную структуру — доля одиноких возрастает с возрастом, достигая 70% среди людей старше 85 лет. Женщины оказываются в зоне повышенного риска (в 8–9 раз чаще мужчин).

2. Социальные детерминанты: ключевыми факторами, провоцирующими одиночество в старшем возрасте, являются выход на пенсию (кризис идентичности), утрата близких, ухудшение здоровья, бедность, снижение социальной активности.

3. Эффект «ловушки одиночества»: длительное пребывание в состоянии одиночества создаёт порочный круг — ухудшается самочувствие, ослабевает здоровье, что в свою очередь усиливает изоляцию и делает преодоление одиночества всё более затруднительным.

4. Типология адаптации: исследователи выделяют различные стратегии адаптации к старости и одиночеству — от конструктивной (сохранение социальных связей, активная жизнь) до деструктивной (замкнутость, агрессия, самоизоляция). Важно, что эти стратегии часто являются продолжением жизненной линии, сформированной в более ранние периоды.

5. Позитивное одиночество как альтернатива: вопреки стереотипам, для части пожилых людей уединение является осознанным выбором, связанным с потребностью в независимости, саморефлексии и свободе. Добровольное нахождение в одиночестве может оказывать позитивный эффект и обеспечивать высокий уровень субъективного благополучия.

6. Образ пожилого человека в языковом сознании: в массовом сознании (особенно у молодёжи) пожилой человек ассоциируется с добротой, слабостью, болезнью и одиночеством, нуждаясь в помощи окружающих. В русском фольклоре и просторечной культуре фиксируется амбивалентное отношение — от уважения до насмешек и пренебрежения.

7. Лексико-семантические особенности: вербализация одиночества пенсионерами характеризуется доминантой «заброшенности» и «ненужности», высокой частотностью пассивных и безличных конструкций, активным использованием эвфемизмов для обозначения смерти, а также фольклорных и паремиологических единиц.

2.4. Концепт «одиночество» в русской языковой картине мира: диахронический корпусный анализ (2020–2025)

Корпусный подход позволяет зафиксировать реальное функционирование лексемы одиночество в различных типах дискурса (художественном, публицистическом, разговорном) и выявить семантические сдвиги, произошедшие в самое последнее время — в период с 2020 по 2025 год.

Материалом для исследования послужили тексты, включенные в Национальный корпус русского языка, за период с 2020 по 2025 год. Основное внимание уделялось основному и газетному подкорпусам, поскольку они являются самыми полными и лучше всего отражают именно современный взгляд на концепт «одинокчество». Единицей анализа являлись контексты употребления лексемы одинокчество и прилагательного одиноккий. Использовались следующие методы:

1. Квантитативный анализ — подсчет частотности употребления ключевых единиц;
2. Анализ коллокаций — выявление статистически значимых сочетаний (прилагательные, глаголы, существительные);
3. Сравнительный анализ — сопоставление данных за 2020–2025 гг. с предыдущими периодами (2010–2017 гг.) для фиксации динамики.

Национальный корпус русского языка позволяет посмотреть частотность того или иного слова. Одинокчество входит в диапазон «частотность скорее низкая». Это может объяснить то, что слово «одинокчество» стало звучать гораздо реже. Если посмотреть график распределения результатов поиска по основному корпусу, то можно увидеть, что заданных примеров к 2022 году становится меньше (рис.1). При этом, в графике за 2010-2017 такого спада не наблюдается (рис.2). Графики в газетном корпусе также показывают, что слово «одинокчество» стало использоваться реже (рис.3). Но падение частотности в газетном корпусе не так велико, как в основном. Следовательно, со временем понятие «одинокчество» действительно стало употребляться реже, но в разных отраслях частность его употребления меняется по-разному.

Исследование коллокаций позволяет выявить актуальные смысловые оттенки концепта:

- Глаголы с семантикой эмоционального состояния: «чувствовать одинокчество», «страдать от одинокчества», «переживать

одиночество» (доминируют в психологической и художественной прозе);

- Прилагательные с негативной оценкой: «мучительное», «тоскливое», «гнетущее». Хотя прилагательное и является самым распространённым, используются и другие части речи: «тяготиться одиночеством», «мучиться от одиночества».

Особенно ярко это можно увидеть с помощью сочетаемости с глаголами с прямым дополнением, где даны такие сочетания как «страшиться одиночества», «ощутить одиночество». Но большинство коллокаций (определения, сказуемые, глаголы с косвенным дополнением) демонстрируют другой смысловой оттенок – негативную оценку. При это среди коллокаций можно увидеть и позитивные примеры: «гордое одиночество», «предпочитать одиночество», «наслаждаться одиночеством».

Из анализа коллокаций можно сделать вывод, что, хоть сейчас у концепта «одиночество» появляются более позитивные значения, доминирующей остаётся негативная оценка.

Другой фактор, говорящий о том, что за словом закреплено более негативное восприятие – это похожие слова, которые выделяет НКРЯ. Все они, кроме слова «уединение», имеют отрицательное значение (рис.4).

Сравнение контекстов 2020–2025 гг. с предыдущими периодами показывает интересную динамику в оценочной маркированности концепта:

- Уходит в прошлое однозначно негативное восприятие одиночества, насаждавшееся в советский период. В современном дискурсе сосуществуют две точки зрения: одиночество-трагедия и одиночество, связанное с осознанным выбором, саморазвитием, независимостью.

В основном корпусе НКРЯ можно найти примеры для обоих мнений:

- 1) Я люблю эти короткие утренние минуты **одиночества**, когда можно спокойно подумать, собрать себя для рабочего дня [17].

2) Впрочем, недаром странники говорят, что **одинокчество** на Пути Сантьяго — это благословение: у человека появляется шанс побыть наедине с самим собой, послушать собственное тело и дать ему вести себя так, как оно хочет [23].

1) С одной стороны, я понимал отца — действительно, ехать куда-то в неизвестность было страшно (отец считал — глупо и бессмысленно), я был тихим и скромным мальчиком, с трудом заводил знакомства, в школе имел двух друзей, расстаться с которыми для меня было бы катастрофой, — за всю свою жизнь ни с кем, кроме них, я никогда не дружил, и мысль о полном **одинокчестве** ужасала меня [10].

2) Они всегда вместе, всегда стайей, всегда во взаимном контакте и не любят **одинокчества** [13].

По сравнению с прошлыми годами, признание в одинокчестве перестало быть социальной стигмой. Одинокчество все чаще обсуждается как нейтральная данность.

Примеры, где одинокчество не имеет никакой окраски и полностью нейтрально также встречается в основном корпусе НКРЯ:

- 1) Их **одинокчество** разбавляют туристы, которых год от года становится все больше [11].
- 2) Покинув пришельца, Рангл спустился в долину и до самого вечера бродил там в **одинокчестве**, размышляя над услышанным [26].

Проведенный корпусный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Концепт «одинокчества» остаётся в языке и продолжает использоваться, меняться и развиваться несмотря на то, что НКРЯ фиксирует снижение частоты его использования;
2. Слово «одинокчество» приобретает более положительные оттенки, но отрицательные ассоциации и отрицательные коллокации всё ещё более часто употребляются в языке;

3. Данные НКРЯ подтверждают раскол в восприятии одинокчества: от трагедии до более положительного восприятия.

Таким образом, материал НКРЯ не только иллюстрирует, но и верифицирует основные выводы о динамике концепта «одиночество» в современной картине мира носителя русского языка, демонстрируя его чувствительность к социальным и культурным изменениям.

Выводы ко второй главе

Проведённый во второй главе анализ показал, что концепт «одиночество» в современной языковой картине мира носителя русского языка не является монолитным, а демонстрирует ярко выраженную возрастную стратификацию.

1. В языковом сознании российской молодёжи происходят наиболее динамичные процессы: формируется феномен «позитивного одиночества» как ресурсного состояния и осознанного выбора, возникает эстетизация одиночества, но одновременно фиксируется и «парадокс цифрового одиночества» — гиперподключённость к соцсетям не спасает от изоляции, а усугубляет её.
2. Было установлено, что в более зрелом возрасте одиночество осмысливается преимущественно в негативном ключе — как бремя, пустота, болезнь или наказание. Социологические данные позволили выявить ключевые детерминанты: брачный статус (состоящие в браке реже испытывают одиночество), удовлетворённость работой, материальное положение и здоровье.
3. Анализ языковой картины мира пенсионеров, показал, что именно в этой группе одиночество приобретает наиболее «драматические» черты. Доля одиноких достигает 70% среди лиц старше 85 лет, причём женщин среди них в 8–9 раз больше. Ключевые факторы — утрата близких, выход на пенсию (кризис идентичности), ухудшение здоровья. Языковыми маркерами выступают семантика «заброшенности» и «ненужности» («меня забыли», «никому не нужен»), пассивные

конструкции, эвфемизмы смерти («осталась одна-одинёшенька»). Однако исследование зафиксировало и альтернативные стратегии: для части пенсионеров уединение является осознанным выбором, связанным с потребностью в независимости и покое («позитивное одиночество» в старшем возрасте).

4. На материале Национального корпуса русского языка результаты возрастного анализа были верифицированы за 2020–2025 гг. Корпусные данные позволили рассмотреть частотность употребления концепта, увидеть, что отрицательные коллокации превалируют над положительными, и зафиксировать оценочную поляризацию: сосуществование «трагического регистра» и «положительного регистра».

Таким образом, глава 2 показала, что концепт «одиночество» в современной русской языковой картине мира является чувствительным индикатором социальных, технологических и мировоззренческих изменений, а его динамика неразрывно связана с возрастными, гендерными и дискурсивными факторами.

Заключение

Одни из наиболее важных терминов в современной когнитивной лингвистике – это концепт и картина мира.

Концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, которое является пересечением между миром культуры и индивидуальными смыслами каждого человека.

Картина мира – это совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности.

В работе было установлено, что концепт «одинокчество» представляет собой сложное, многослойное лингвокультурное образование, сочетающее универсальные (общечеловеческие) и национально-специфические черты. Анализ этимологии и семантики показал, что ядро концепта образуют смы «отсутствие других», «изоляция», «покинутость», а периферия включает оценочные, эмотивные и ассоциативные компоненты, которые варьируются в зависимости от эпохи и контекста. Исторический обзор позволил зафиксировать ключевые сдвиги в развитии концепта: от физической изоляции и религиозной амбивалентности через романтическую эстетизацию к идеологическому табуированию в советский период и последующему возвращению.

Был проведён анализ языкового сознания трёх возрастных групп (молодёжь, люди зрелого возраста, пенсионеры) и данных Национального корпуса русского языка за 2020–2025 гг. были выявлены следующие ключевые закономерности:

- Для российской молодёжи характерна радикальная трансформация традиционного понимания одиночества. С одной стороны, фиксируется феномен «позитивного одиночества» — осознанного выбора уединения как ресурсного состояния, необходимого для саморазвития, творчества и восстановления. С другой стороны, молодёжь оказывается наиболее уязвимой перед

«парадоксом цифрового одиночества»: гиперподключённость к социальным сетям (сотни «друзей» онлайн) не только не спасает от изоляции, но и усугубляет её через механизмы социального сравнения и «эффект витрины».

- Для россиян зрелого возраста одиночество сохраняет преимущественно негативную окраску и осмысливается через метафоры бремени («нести груз одиночества»), пустоты («пустой дом»), болезни («страдать от одиночества») и наказания («расплата за ошибки»). Социологические данные позволили выявить ключевые детерминанты: брачный статус (состоящие в браке реже испытывают одиночество), удовлетворённость работой (снижает риск одиночества в 2,6 раза), материальное положение.
- Для пенсионеров одиночество приобретает наиболее «драматические» черты. Доля одиноких достигает 70% среди лиц старше 85 лет, причём женщин среди них в 8–9 раз больше. Ключевые факторы — утрата близких, выход на пенсию (кризис идентичности), ухудшение здоровья, бедность и снижение социальной активности. Языковыми маркерами выступают семантика «заброшенности» и «ненужности» («меня забыли», «никому не нужен»), пассивные и безличные конструкции («со мной не советуются»), эвфемизмы смерти («осталась одна-одинёшенька», «пережила мужа»), а также фольклорные и паремиологические единицы («один в поле не воин»). Однако исследование зафиксировало и альтернативные стратегии: для части пенсионеров уединение является осознанным выбором, связанным с потребностью в независимости, покое и саморефлексии («позитивное одиночество» в старшем возрасте).
- Данные Национального корпуса русского языка за 2020–2025 гг. подтвердили и дополнили выводы возрастного анализа. Было

установлено: снижение частотности использования слова «одиночество», оценочная поляризацию концепта — сосуществование «трагического регистра» и «позитивного одиночества».

Таким образом, концепт «одиночество» в современной русской языковой картине мира представляет собой динамичное, стратифицированное (разделённое на слои/группы) и оценочно-поляризованное образование. Его динамика определяется тремя основными факторами: технологическим (цифровизация и виртуализация коммуникации), социальным (атомизация общества, кризис традиционных институтов) и экзистенциальным (переосмысление ценности уединения и личной автономии). Возрастная стратификация проявляется в радикальном расхождении оценок и языковых репрезентаций: от эстетизации и ресурсного восприятия у молодёжи через прагматическое и проблемное у зрелых до трагического и вынужденного у пенсионеров. Эти различия фиксируются как на уровне лексики и метафоры. Корпусные данные 2020–2025 гг. подтверждают, что одиночество перестало быть исключительно частной психологической проблемой и стало значимым социальным и культурным феноменом, чутко реагирующим на вызовы современности.

Приложение

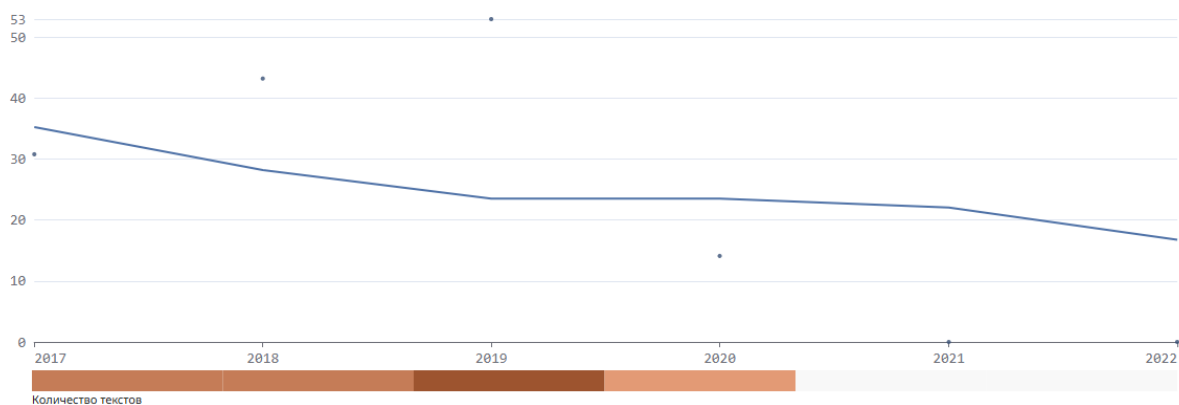

Рис 1. График распределения результатов поиска по датам (2017-2022 гг.). Основной корпус

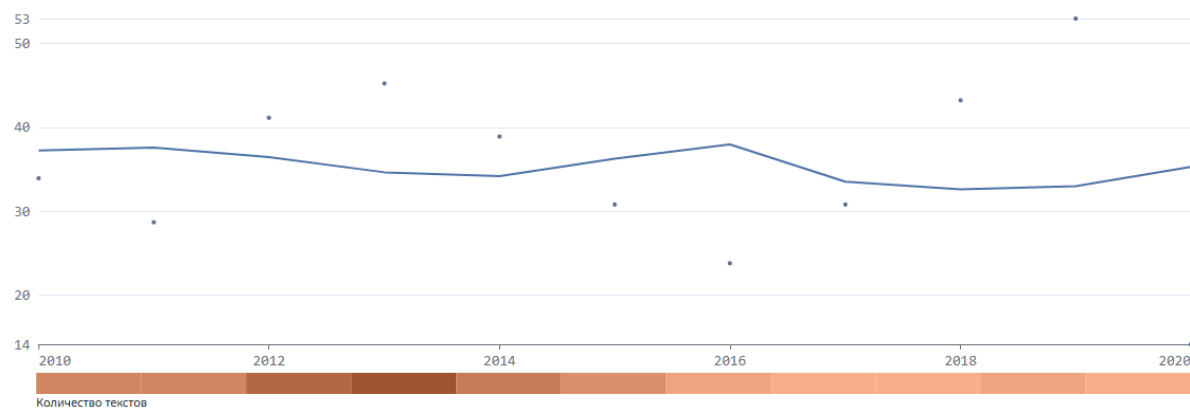

Рис 2. График распределения результатов поиска по датам (2010-2017 гг.). Основной корпус

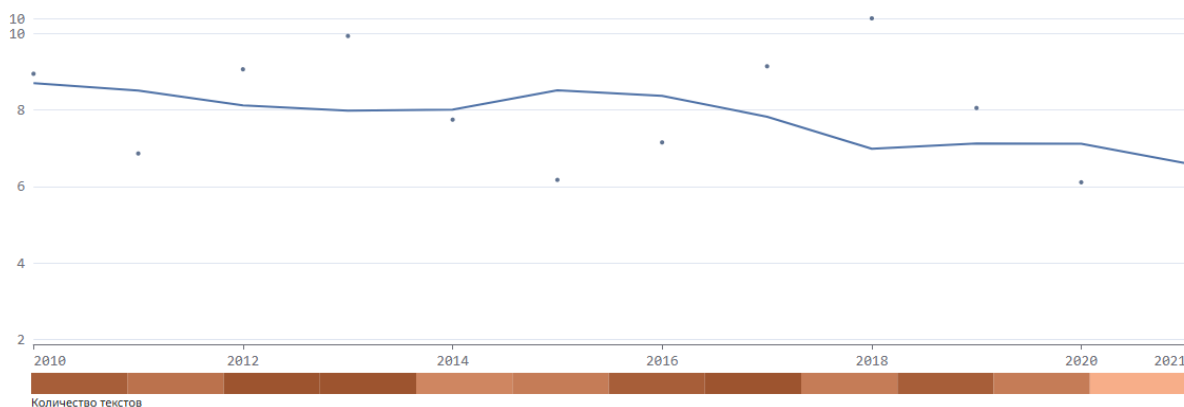

Рис 3 График распределения результатов поиска по датам (2010-2021 гг.). Газетный корпус

бездвестность
удинение тоска покинутость неизвестность
неприкаянность
бездыхдность ОДИНОЧЕСТВО
заброшенность потерянность сиротство

За всё время

Рис 4. Похожие слова (по Национальному корпусу русского языка)

Список используемой литературы:

1. Алейникова О.С. Одиночество: философско-культурологический анализ : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 : СПб., 2005 155 с. РГБ ОД, 61:05-9/596
2. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Культурные концепты / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1991. – 204 с.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / С.А. Аскольдов; под ред. В.Н. Нерознака. – Москва: Academia, 1997. С. 267-280
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж: YMCA-Press, 1955. –160 с.
5. Вайскопф М.Я. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма/ Михаил Вайскопф. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 696 с.
6. Виноградов В.В. История русского литературного языка : избр. тр. / В.В. Виноградов ; [отв. ред., сост., авт. вступ. ст. и коммент. д. филол. н. Н.И. Толстой ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз.]. – М. : Наука, 1978. – 320 с.
7. Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Виноградов. Избр.тр.: История русск. лит. языка, с.96-97).
8. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография / С. Г. Воркачев. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
9. Денисенко В.Н., Сафаралиева Л.А., Перфильева Н.В. Трансформация образа старика в сознании молодых носителей русской лингвокультуры// Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. — 2024. — № 1. — С. 102–108.
10. Емельянова Н. Путешественник // «Дальний Восток», 2019
11. Жирнов А. Край Ойкумены: куда ведет дорога от Геркулесовых столбов // «Знание — сила», 2020

12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс - Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.
13. Климов В. Кошачьи лемуры, или катта // «Знание — сила», 2020. - №3. - С. 117-120.
14. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности возрастной структуры одиночества // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 56-69.
15. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. — М., 1993. — Т. 52, № 1. — С. 3–9.
16. Красных, В.И. Паронимы в русском языке: Самый полный толковый словарь: более 3500 паронимов, около 1500 паронимических рядов / В.И. Красных. - М.: АСТ, Астрель, 2010. - 591 с.
17. Лепский Ю. В поисках Бродского // «Дальний Восток», 2019
18. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака, М.: Academia, 1997. С. 280-287.
19. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В. А. Маслова. - Мн.: ТетраСистемс, 2004. - 256 с.
20. Матеев Д.А. Феномен одиночества и проблема нарушения коммуникации: монография/ Д.А. Матеев. – Новосибирск: Издательство «СИБ-ПРИНТ», 2012. – 183 с.
21. Соловьёв С.М. и др. Поучение детям Владимира Мономаха. — СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1893.
22. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие / М. В. Никитин. – Москва: Высшая школа, 1988. – 168 с. – (Библиотека филолога).
23. Романов Роман *Vom saminho*, или Пилигримуши на Пути Святого Иакова // «Дальний Восток», 2019
24. Салимьянова И. В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Омск, 2011. — 245 с.

25. Се Дань. Способы вербальной репрезентации образа пожилого человека в русских сетевых текстах // Филология: научные исследования. — 2026. — № 3. — С. 101–108
26. Смирнов А. Старая легенда // «Знание — сила», 2020
27. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. - М.: Академический проект, 2004, с. 42-67.
28. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С.. Степанов. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
29. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты, М., 1996
30. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: Около 100000 слов / Д.Н. Ушаков. - М.: Аделант, 2013. - 800 с.
31. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемиология // Язык и наука к. XX в.: Сб. статей / Под ред. Ю. С. Степанова. – Москва, 1995. – С. 74-117.
32. Шалина И. В. Просторечная речевая культура // StudFiles. — URL: <https://studfile.net/preview/3302169/page:2/> (дата обращения: 06.04.2026).
33. Шарикова Людмила Анатольевна, Беляков Артем Александрович, Зелякова Татьяна Викторовна Понятие «Картина мира» в современной лингвистике // Вестник КузГТУ. 2006. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kartina-mira-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 20.11.2025).

Список словарей

1. Большой словарь иностранных слов : Более 24 000 слов / сост. А. Ю. Москвин. – Москва : Центрполиграф, 2003. – 815 с.
2. Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Международная ассоц. преподавателей

русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 783 с. – ISBN 978-5-373-05079-1.

3. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва : Дом Славянской кн., 2008. – 959 с. – ISBN 978-5-903036-99-8.

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М.: 1863-1866. - URL: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 05.03.2026)

5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М.: А ТЕМП, 2010. - URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 05.03.2026)

6. Толковый словарь иноязычных слов : Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – Москва : Рус. яз., 1998. – 846 с. – ISBN 5-200-02517-6.

7. Толковый словарь русского языка начала XXI века : актуальная лексика : около 8500 слов и устойчивых словосочетаний / авт.-сост.: Г. Н. Скляревская и др. ; под ред. Г. Н. Скляревской. – Москва : Эксмо, 2008. – 1131 с. – ISBN 978-5-699-15913-0.

8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов : (82 000 слов и фразеологических выражений) / Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин ; отв. ред. Н. Ю. Шведова ; Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 2008. – 1164 с. : табл. – ISBN 978-5-91172-015-5.

9. Этимологический словарь русского языка / ред. Н. М. Шанский. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 470 с.

10. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / Макс Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – Москва : Астрель : АСТ, 2007. – 846 с. – ISBN 5-17-013347-2.

Список источников

1. Гришина Наталья Юрьевна. История становления когнитивной лингвистики// Россия в глобальном мире. 2014. №4 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-kognitivnoy-lingvistiki> (дата обращения: 15.11.2025).
2. Ермолаева М. Практическая психология и профилактика старения // Modnt. — URL: http://modnt.ru/r_e_f_e_r_a_t_y_b_i_o_l_o_g_i_ya/s_t_a_r_e_n_i_e_i_o_d_i_n_o_ch_e_s_t_v_o_i4.html (дата обращения: 06.04.2026).
3. Ильина В. А. Исследование образов русского языкового сознания на примере психолингвистического анализа образа одиночества // Отечественная филология. — 2022. — № 2. — URL: <https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/1910/0> (дата обращения: 06.04.2026).
4. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 482 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-12107-0. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/563919> (дата обращения: 02.04.2026).
5. Лопатинская Тинатин Давидовна Одиночество в сети: особенности самореализации человека в условиях виртуальной среды // Общество: философия, история, культура. 2016. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odinochestvo-v-seti-osobennosti-samorealizatsii-cheloveka-v-usloviyah-virtualnoy-sredy> (дата обращения: 03.04.2026).

6. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 06.03.2026)
7. Одиночество в сети: философский анализ в контексте цифровой антропологии // Naukaru. — 2025. — 6 октября. — С. 40–43. — URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/99255/view> (дата обращения: 03.04.2026).
8. Одиночество в старшем возрасте: новый взгляд на проблему // IQ Media. — 2024. — 23 декабря. — URL: <https://iq-media.ru/life/odinochestvo-v-starshem-vozhraсте-novyuy-vzglyad-na-problemu> (дата обращения: 06.04.2026)
9. Панфилова А. О. Проблема одиночества в урбанистической среде: опыт городов Российского Дальнего Востока// Вестник Института социологии. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-odinochestva-v-urbanisticheskoy-srede-opyt-gorodov-rossiyskogo-dalnego-vostoka> (дата обращения: 03.04.2026).
10. Переживание одиночества: философско-психологический анализ феномена // SciNetwork. — 2025. — № 2. — URL: <https://scinetwork.ru/periodicals/1526/articles?authorId=57049> (дата обращения: 03.04.2026).
11. Почти половина россиян страдают от одиночества // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — 2025. — 28 августа. — URL: <https://www.hse.ru/rims/news/471173761.html> (дата обращения: 05.04.2026).
12. Цифровое одиночество: почему мы чувствуем себя одинокими в мире гиперсвязности // VC.ru. — 2025. — 13 июля. — URL: <https://vc.ru/id5104584/2098268-tsifrovое-odinochestvo> (дата обращения: 05.04.2026).